

Фонд научных исследований истории и культуры стран Европы
«Европейское наследие»

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

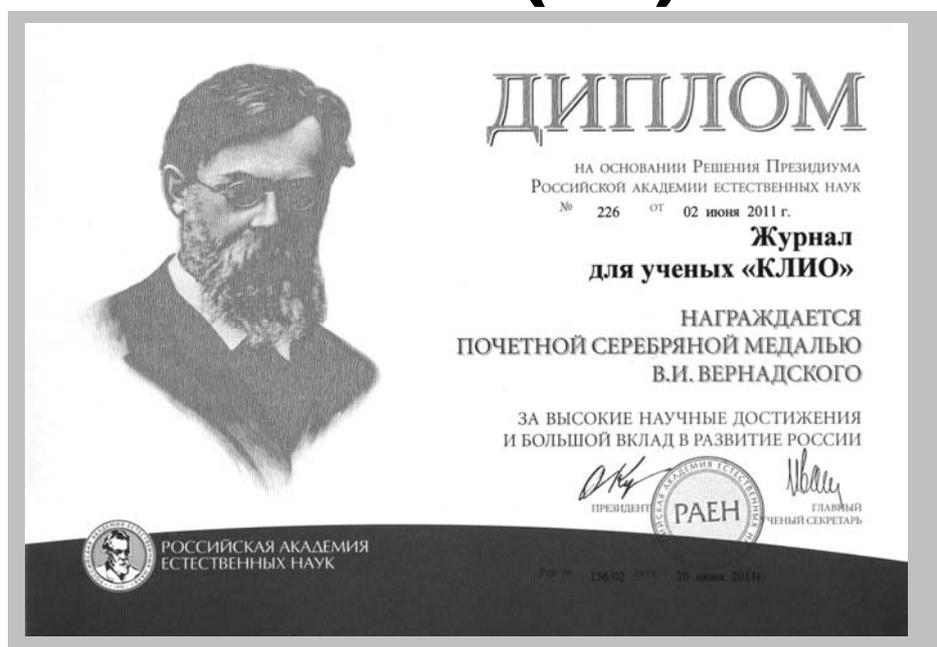
ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечати». Индекс 14243
Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых № 12 (84)

Решением президиума Афро-Евразийской академии естественных наук от 11.11.2011
Издательство «ПОЛТОРАК» награждено специальным дипломом
за вклад в популяризацию науки и сохранения культурного наследия Человечества

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПОЛТОРАК »

2013

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. И. Аврус, доктор исторических наук, профессор (Саратов)
А. П. Богданов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ф. Бондаренко, доктор исторических наук (Москва)
Й. Бэкман, доктор общественно-политических наук, доцент (Хельсинки, Финляндия)
Ю. С. Васильев, академик РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)
Л. Е. Горизонтов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Д. Дейли, доктор исторических наук, профессор (Чикаго, США)
М. В. Ежов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Н. Еремеева, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
С. С. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Челябинск)
В. А. Золотарёв, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
Г. М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
А. Кан, доктор исторических наук, профессор (Стокгольм, Швеция)
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(ответственный секретарь)
С. Г. Кащенко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Ф. Киселев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ф.-К. Кокен, доктор исторических наук, профессор (Париж, Франция)
Ш. Кройцберггер, доктор исторических наук, профессор (Потсдам, Германия)
И. В. Кулцова, доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. В. Лосик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор (Казань)
И. П. Медведев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
С. С. Минц, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор (Ставрополь)
В. В. Носков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Е. Н. Носов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
П. А. Подболотов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Попов, доктор исторических наук, профессор (Сыктывкар)
А. И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор (Самара)
О. А. Ржешевский, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ю. В. Рубцов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Е. И. Самарцева, доктор исторических наук, профессор (Тула)
Е. С. Сеняевская, доктор исторических наук (Москва)
Г. В. Серебрянская, доктор исторических наук, профессор (Нижний Новгород)
Т. И. Сидненко, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)
Ю. Н. Солонин, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В. Е. Триодин, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
И. В. Яблочкина, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации № П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300.

Тел.: (812) 534-28-28; (812) 335-31-00 (*4224)

Почтовый адрес редакции: 195220, Россия, Санкт-Петербург. ООО «Полторак». До востребования.

E-mail: nestorklio@mail.ru;

Официальный сайт: <http://clioscience.com/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

«Клио», 2013

Авторы публикаций, 2013

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала «Клио» Санкт-Петербургского университета

в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи в одном экземпляре объемом до 1,5 печатного листа (электронная версия обязательна). Сноски располагать в конце текста в соответствии с библиографическими требованиями ГОСТа. С текстом статьи необходимо предоставлять аннотацию (500 знаков), ключевые слова (5–6 слов), фотографию и один экземпляр внешнего отзыва заверенного печатью. Внешний отзыв рекомендуется отправить по почте России.

Сведения об авторе должны включать: фамилию, имя и отчество полностью; образование с указанием законченного учебного заведения; должность и место работы; ученую степень и звание; почтовый индекс, домашний адрес, телефон, E-mail.

В случае отсутствия у автора адреса электронной почты или номера телефона редакция журнала для ученых «Клио» указывает свои контакты и берет на себя ответственность за связь читателей с автором публикации.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Порядок рецензирования рукописей авторов, представленных в редакцию журнала для ученых «Клио»

1. Все поступающие статьи проходят предварительную экспертизу главного редактора журнала «Клио».
2. Главный редактор распределяет поступившие в редакцию материалы для углубленной экспертизы членами редколлегии. Статьи авторов передаются на экспертизу с учетом сферы научных интересов, исторической специальности авторов материалов и членов редколлегии.
3. По итогам экспертизы каждый член редколлегии представляет главному редактору письменное заключение объемом 1800–3000 печатных знаков.
4. В случае отрицательной рецензии ее текст отсылается автору с пожеланиями доработки или переработки текста статьи.
5. При положительной письменной рецензии члена редколлегии статья направляется для дополнительной экспертизы ко второму эксперту – специалисту по проблематике, исследуемой в статье.
6. В случае отрицательного письменного отзыва второго эксперта статья направляется автору на доработку или переработку.
7. В случае положительного отзыва второго эксперта статья выносится на обсуждение членов редколлегии, которые на своем заседании принимают окончательное решение о публикации.
8. Главный редактор журнала лично решает, в каком из номеров «Клио» будет опубликована статья, о чем редакция уведомляет автора.

Примечание:

Заседание членов редколлегии журнала для ученых «Клио» проводится 1 раз в 2 месяца. Дата заседания определяется по согласованию с членами редколлегии. Проезд иногородних членов редколлегии к месту проведения заседания и обратно оплачивается за счет редакции журнала.

Допускается заочное участие в заседании посредством общения в режиме on-line или посредством переписки по электронной почте.

ЖУРНАЛ «КЛИО» ВЫПИСЫВАЮТ:

Барнаул	Омск
Владимир	Оренбург
Волгоград	Провидения
Воронеж	Псков
Екатеринбург	Ростов-на-Дону
Иваново	Самара
Иркутск	Санкт-Петербург
Калуга	Саратов
Кандалакша	Серпухов
Кемерово	Стерлитамак
Киров	Ступино
Кострома	Сыктывкар
Краснодар	Тамбов
Красноярск	Тверь
Курск	Томск
Магадан	Тура
Минусинск	Уфа
Москва	Уяр
Мурманск	Челябинск
Нижнекамск	Черкесск
Нижний Новгород	Шебекино
Новосибирск	Южно-Сахалинск
Норильск	Ярославль

The editorial staff of «Klio» would appreciate cooperation with foreign partners interested in distribution of the magazine in their countries. Please contact us by E-mail: poltorak2006@yandex.ru; nestorklio@mail.ru <http://clioscience.com/>

We are convinced that this magazine has an enormous potential which would make an interesting business for the cooperating partner regarding the sale of subscriptions as well as free sales.

**История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>**

СОДЕРЖАНИЕ

при поддержке

Российского гуманитарного научного фонда

грант № 13-01-14011

Скворцов Н.Г. (Санкт-Петербург). Академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: к 150-летию юбилею..... 3

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Батурич Ю.М. (Москва). Методология построения исторической причинно-следственной связи А.С. Лаппо-Данилевского и ее значение для других наук	5
Берус В.В. (Барнаул). А.С. Лаппо-Данилевский о субъективности и великой индивидуальности	8
Ветохина В.А. (Кривой Рог). Метод сравнительно-исторического исследования в теоретико-познавательной концепции А.С. Лаппо-Данилевского	9
Гурская Н.В. (Тольятти). История культуры и культурологические концепции в историко-философских трудах А.С. Лаппо-Данилевского	10
Дорошенко Н.М. (Санкт-Петербург). Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в системе российской философии истории	13
Комочев Н.А. (Москва). Методика дипломатического анализа в трудах школы А.С. Лаппо-Данилевского	16
Приймак Н.И. (Санкт-Петербург). Понятие «исторический источник» в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского	19
Ростовцев Е.А., Потехина И.П. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский в современном научно-информационном пространстве	23
Румянцева М.Ф. (Москва). Рецепция методологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского в научно-педагогической школе источниковедения – сайт Источниковедение.ru.	28
Тихонова В.Б. (Санкт-Петербург). Работы А.С. Лаппо-Данилевского в контексте исторической антропологии	31
Трапш Н.А. (Ростов-на-Дону). Источники смешанного характера» в теоретической концепции А.С. Лаппо-Данилевского и исследовательской практике современного историка: опыт творческой интерпретации	34
Цамутали А.Н. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский в кругу историков-современников	37
Чернобаев А.А. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский в новейшей российской историографии	40

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И ЕГО ЭПОХА

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. (Челябинск). Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников	46
Илизаров С.С. (Москва). Историк науки Т.И. Райнов – ученик А.С. Лаппо-Данилевского	50
Афиани В.Ю. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский и В.И. Вернадский: стремление к генерализации прошлого.....	55
Басаргина Е.Ю. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский – почетный доктор права Кембриджского университета	57
Гришин К.П. (Брянск). Личные и научные взаимоотношения академиков А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова	60
Демяновский Н.А. (Санкт-Петербург). Лаппо-Данилевский и издание «Мемуаров короля Станислава Августа»	64
Долгова Е.А. (Москва). Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923)	67
Зонова Н.С. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский и делегации российских ученых на международных конгрессах исторических наук начала XX в.	71
Киреева Р.А. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский о русской историографии	73
Корзун В.П. (Омск). А.С. Лаппо-Данилевский: первые опыты интеллектуальной истории в российской гуманитаристике	77
Лаппо-Данилевский К.Ю. (Санкт-Петербург). Семья Лаппо-Данилевского: истоки и традиции.....	83
Малинов А.В. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский – организатор социологической науки в России.....	102
Сидорчук И.В. (Санкт-Петербург). Аполитичность А.С. Лаппо-Данилевского в контексте изучения его научного наследия	105
Рамазанов С.П. (Волгоград). Гносеологические и социальные контексты методологических исканий А.С. Лаппо-Данилевского»	108
Ратьковский И.С. (Санкт-Петербург). Перекрестки судеб: А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов и Д.Б. Рязанов в 1918 г.	112
Тихонов И.Л. (Санкт-Петербург). А.С. Лаппо-Данилевский и археология	115
Трибунский П.А. (Москва). А.С. Лаппо-Данилевский в воспоминаниях В.Г. Дружинина	120

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Адоньева И.Г. (Новосибирск). «Французский элемент» историко-правового дискурса журнала «Русский вестник» в 1856–1862 гг.	127
Воробьева Н.Н. (Санкт-Петербург). Церковно-историческая наука в России на рубеже XIX–XX веков: проблемы истории раннего христианства и поиск самоидентичности	129
Воскресенская М.А. (Санкт-Петербург). Историософия Серебряного века	132
Дворниченко А.Ю. (Санкт-Петербург). From US with love and care: феномен Георгия Вернадского	135
Дроснева Э. (София, Болгария). Санкт-Петербургские вехи болгаро-российского общения историков XIX–XXI вв.	138
Исаев Д.П. (Ростов-на-Дону). Источниковедение культуры, или Феноменологический метод в современной российской историографии	142
Кривошеев Ю.В. (Санкт-Петербург). К государственным и общественно-политическим взглядам М.К. Любавского	145
Мининкова Л.В. (Ростов-на-Дону). В.О. Ключевский о Земском соборе 1613 г. в свете теории вотчинного государства	147
Муртузалиев С.И. (Москва). Зарождение российской историографии «болгаристики османского периода (XV – середина XIX в.)	150
Поляков И.А. (Санкт-Петербург). С.Б. Веселовский и его наследие в коммеморациях историографии и памяти общества	153
Синельников Д.П. (Санкт-Петербург). Повторение непройденного: уроки русских историков-неокантианцев	158
Сиренов А.В. (Санкт-Петербург). Петербургский историк Алексей Федорович Малов	161

¹² Цит. по: *Седельников В.* ЧК и Архивы: два эпизода из истории архивного дела в первые годы советской власти // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 453.

¹³ Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 221; Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. М., 2003. Т. I. С. 235.

¹⁴ Цит. по: *Седельников В.* Указ. соч. С. 451.

¹⁵ *Голицын К.Н.* Записки князя Кирилла Николаевича Голицыны. М., 1997. С. 101–102.

¹⁶ *Меньшевики после Октябрьской революции.* Сборник статей и воспоминаний. Chaliidze Publications, 1990. С. 63.

¹⁷ *Павлов Д.Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999. С. 33.

¹⁸ *Питерские рабочие и «диктатура пролетариата».* Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб., 2000. С. 173–174.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 10. Л. 3–9.

²⁰ Красная газета. Веч. вып. Пг., 1918. 25 сентября.

²¹ *Измозик В.С., Павлов В.Б.* Великий князь Николай Михайлович // Из глубины времен (СПб.). 1994. Вып. 3. С. 128–131; *Цамута-ли А.Н.* Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович // Историки России. XVIII – начало XX века. С. 508–509; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 200–201.

²² *Ратьковский И.С.* Петроградская ЧК и организация доктора В.П. Ковалевского в 1918 г. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 100–115.

²³ *Седельников В.* Указ. соч. С. 451–463.

ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ ТИХОНОВ

доктор исторических наук, доцент, заведующий Музеем истории СПбГУ, доцент кафедры археологии исторического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Тел.: (812) 328-96-83; E-mail: iltikhonov@mail.ru

Статья посвящена анализу научной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в области археологии и обоснованию им тезиса о специфике вещественных источников.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, археология, лекции, вещественные источники.

А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И АРХЕОЛОГИЯ*

Имя и труды Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) как одного из крупнейших представителей Петербургской исторической школы конца XIX – начала XX в. хорошо известны в отечественной исторической науке. Между тем, за исключением небольшой статьи А.И. Маркевича¹ и нескольких упоминаний И.М. Гревса² о значительном внимании Лаппо-Данилевского к археологии, которое обуславливалась его постоянным интересом к первобытной культуре, в историографической литературе почти нет сведений о работах А.С. Лаппо-Данилевского в области археологии. В изданиях, посвященных биографии и научному творчеству ученого, об этом упоминается вскользь, и в лучшем случае речь идет о двух крупных монографических публикациях, написанных еще в ранние годы³. В литературе по истории отечественной археологии в последнее время появилась информация об этой сфере научной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского, но эти издания практически не известны историкам⁴.

А.С. Лаппо-Данилевский родился в богатой дворянской семье, его отец занимал пост вице-губернатора Таврической губернии, т.е. детство будущего ученого прошло на чрезвычайно насыщенном разнообразными археологическими памятниками полуострове Крым. Руины Херсонеса, пещерные города и храмы, степные курганы – безмолвные свидетели глубокой древности не могли не заинтересовать будущего историка. В 1882 г. он, закончив с отличием Симферопольскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, причем, как указывалось в биографии будущего академика, интерес к первобытной культуре и античному миру, возникший под влиянием окружавшей его среды и работ Тейлора, Спенсера, Грота, появился у него еще со школьной скамьи⁵.

В студенческие годы Лаппо-Данилевский сочетал занятия русской историей XVII в. у профессора К.Н. Бестужева-Рюмина с изучением античной истории и культуры, которую в

то время преподавали Ф.Ф.Соколов, И.В. Помяловский. Среди студенческих работ Лаппо-Данилевского было несколько сочинений по антиковедению, в том числе о поэме Лукреция Кара и о скифах⁶. Материал последней темы вошел в одну из первых крупных работ ученого «Скифские древности», опубликованную отдельным изданием в 1887 г. (т.е. всего через год после окончания автором университета!)

Обращение молодого историка к этой теме было отнюдь не случайным. К 1880-м гг. в качестве особого раздела классической археологии вполне оформилась скифская археология. Начиная с 1830-х гг., сначала в погоне за скифским золотом для Императорского Эрмитажа, а затем и с более серьезными научными целями в России велись интенсивные раскопки курганов, обогатившие науку такими хрестоматийно известными памятниками, как Чертомлык, Большая Близица, Хохлач, Александропольский курган, Семибратные и Нимфейские курганы и многие другие. В 1872 г. вышли «Древности Геродотовой Скифии», подготовленные И.Е. Забелиным. Это издание обобщало результаты предшествующих раскопок. Русские историки неоднократно обращались к анализу письменных свидетельств древних авторов о скифах. Но историческую науку уже не могли удовлетворить простые описания жизни, быта, обычаев скифов. На повестку дня вставал вопрос о социальной структуре, социально-экономических отношениях скифов. Эти-то задачи и поставил перед собой А.С.Лаппо-Данилевский, а для их решения ему пришлось обратиться к самому широкому кругу источников: литературных, лингвистических, этнографических и особенно археологических. Как отмечал рецензент, монография стала «первой систематической попыткой воспользоваться известными доселе результатами раскопок для всестороннего восстановления скифской старины»⁷.

Позднее справедливо отмечалось, что эта книга имела в некоторой степени компилятивный характер, что было вполне приемлемо для работы, написанной студентом. «Скифские древности», ставшие первой научной публикацией начинающего исследователя-историка, интересны прежде всего тем, что соединили в себе анализ письменных и археологических источников. Работа состоит из трех глав, посвященных географическим известиям

* Статья подготовлена при поддержке НИР по теме: «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть», мероприятия 2 СПбГУ. Шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.98.2012.

о Скифии, быту и общественным отношениям скифов, некоторые ее части (например, об украшениях и вооружении скифов) были построены исключительно на анализе археологического материала. Описывая погребальный обряд, торговлю, хозяйство скифских племен, автор соотнес известия Геродота и других античных авторов с результатами раскопок курганов в Северном Причерноморье, используя их для взаимного сопоставления. Для обоснования своего тезиса о культурных и этнических различиях между населением Западной и Восточной Скифии он прибегал к антропологическим наблюдениям, а касаясь вопроса торговых связей скифских племен, сопоставлял причерноморские материалы с уральскими и алтайскими⁸. Говоря о жилищах скифов, Лаппо-Данилевский справедливо писал, что, хотя письменные свидетельства указывают на наличие оседлых жилищ у западных скифов, «предположение это может сделаться вполне достоверным лишь при проверке археологическими данными, которых пока нет; для этого нужно было бы, прежде всего, раскопками точнее определить значение кольцеобразных насыпей, называемых майданами»⁹. Лаппо-Данилевский понимал, что не все эти насыпи единовременны, и предполагал, что некоторые из них являются городищами, или укреплениями западнскифского населения. Таким образом, он одним из первых русских исследователей указал на важность археологического исследования скифских городищ, которое началось только через несколько десятилетий. Из поля зрения исследователя не выпал и такой «невзрачный» (по понятиям тех лет) массовый археологический материал, как простая, неорнаментированная глиняная посуда, которую он подробно описал и сделал замечания о различиях в керамике Западной и Восточной Скифии. В итоге Лаппо-Данилевский попытался дать классификацию скифских погребений и разделить их на несколько разрядов, правда, здесь он допустил серьезные ошибки, смешивая хронологические и социальные различия и причисляя к древнескифским погребения бронзового века с «окрашенными костяками» и медными вещами. На последнее обстоятельство указывал рецензент, также критикуя автора за неточность определения района распространения скифских курганов и самого понятия «скифские древности» (шла ли речь об этнографическом термине или сугубо археологическом). Не убедили харьковского профессора Ф.Г. Мищенко и доводы в пользу разделения скифов на восточных и западных (что впоследствии подтвердилось), но тем не менее он признавал, что «там, где автор не мудрствуя описывает предметы скифских курганов, его этюд весьма поучителен»¹⁰.

Интересно заметить, что по прошествии многих лет после выхода «Скифских древностей» этот труд довольно высоко оценивали советские археологи-марксисты¹¹, которым, видимо, импонировала социально-экономическая направленность работы, хотя сам автор скептически относился к марксизму.

Использование археологических источников в исторических реконструкциях, в полной мере проявившееся в первой крупной работе ученого, посвященной древней истории, отразилось и в его преподавательской деятельности. В 1886 г. А.С. Лаппо-Данилевский, закончив университетский курс, был оставлен при кафедре К.Н. Бестужева-Рюмина для приготовления к профессорской деятельности и в 1890 г. защитил магистерскую диссертацию, посвященную налоговой системе Московского государства XVII в., за которую был удостоен Академией наук премии имени графа С.С. Уварова.

В 1890 г. в качестве приват-доцента (надо заметить, что вплоть до 1917 г. Лаппо-Данилевский, уже будучи академиком, оставался в университете только приват-доцентом, так как он не удостоился написать докторской диссертации, а в русских университетах существовало правило, по которому лица, не имеющие докторской степени, не могли занимать профессорскую кафедру) начал читать лекции в С.-Петербургском университете и Историко-филологическом институте, программа преподавания в котором мало отличалась от университетской. В Санкт-

Петербургском филиале Архива РАН сохранились конспекты его лекций по русской истории за 1890–1893 гг.¹²

В разделе, посвященном источниковедению русской истории, А.С. Лаппо-Данилевский называет три вида источников: 1) памятники языка, 2) памятники народной словесности и письменности, 3) вещественные памятники, подчеркивая, что последние особо важны для историка и стоят к нему ближе памятников языка. Включением в источниковедческую базу исторической науки археологических источников Лаппо-Данилевский продолжил традицию лекционных курсов К.Н. Бестужева-Рюмина, но, в отличие от своего учителя, Лаппо-Данилевский четко ограничивал сферу археологии исследованием только вещественных памятников, так как она (археология) пользуется другими источниками лишь на столько, поскольку они объясняют сами вещественные памятники, которые, по мнению автора, являются объективированными формами какой-либо из сторон развития народа: духовного, хозяйственного или даже правового. Например: изваяние божества – объективированная форма духовного развития; орудие для охоты или земледелия – развития хозяйственного; монеты – развития правового.

Таким образом, археология представлялась Лаппо-Данилевскому как наука, занимающаяся изучением объективированных форм всех трех видов развития известного народа. Продолжая, лектор знакомил студентов с приемами и методами археологии, подчеркивая, что, главным образом, добывание и собирание вещественных памятников происходит за счет раскопок могил, курганов, поселений с особыми, выработанными наукой приемами. «При этом должно быть сделано географическое, геологическое, палеонтологическое и археологическое определение места, где был найден памятник. Прежде всего археолог должен дать точное географическое определение места раскопок; с этой целью составляются особые археологические карты, геологическое определение есть определение того пласта земли, в котором найден памятник. Палеонтологическое определение – это указание флоры и фауны, среди которой найден предмет. Археологическое определение по большей части сводится к означению места, которое занимает найденный предмет среди других памятников. Есть два способа классификации: 1) расположение предметов по систематическому преемству форм однородных памятников; следуя такому принципу, сначала кладут простые формы, затем более сложные, обработанные и т.д. 2) топографическая группировка синхронных памятников <...> Желательно при расположении совмещать и тот и другой способ. Первый удобен при изучении отдельных сторон человеческого развития, второй – для уяснения их взаимодействия. Кроме классификации необходима критика источников. Археолог должен вполне изучить древние обряды и обычаи той страны, где он делает раскопки, и обратить внимание, насколько изученный памятник соответствует по своему содержанию результатам подобного рода изучения»¹³. Далее Лаппо-Данилевский указывал на необходимость изучения техники изготовления предметов, материала и способа обработки. Таким образом, в своих лекционных курсах Лаппо-Данилевский, значительно опережая свое время, точно сформулировал четыре основных и по сей день метода археологических исследований (типологический, картографический, сравнительно-этнографический и технологический).

В историографическом разделе курса сообщались довольно подробные сведения об истории археологических раскопок в России XVIII–XIX вв., о деятельности отдельных ученых, археологических обществ, музеев, Императорской Археологической комиссии, приводилась библиография по отдельным разделам археологии¹⁴.

В том же 1890 г. А.С.Лаппо-Данилевский приступил к чтению лекций в Санкт-Петербургском археологическом институте. Его курс, многие материалы которого чуть позднее вошли в университетские лекции, назывался «Археология Западно-Европейской равнины древнейший период». Курс состоял из пяти разделов: 1) Введение.

Области и методы археологического изучения; 2) История раскопок, музеев, собраний; 3) Каменный век; 4) Бронзовый и железный век. Скифская культура; 5) Бронзовый и железный век. Финская культура; и начинался с обзора точек зрения на предмет археологии в отечественной науке. Выделяя «классическую» (Стемпковский, Стефани, Кене, Ашик и др.) и «национальную», ярче всего представленную Сахаровым, Лаппо-Данилевский вступил с ними в полемику. Так, ограничение Сахаровым русской археологии периодом в семь – восемь веков исключало изучение дохристианских славяно-русских древностей, а в качественном отношении область археологии оказывалась слишком широка, поскольку вторгалась в пределы исторической науки. Не удовлетворяли Лаппо-Данилевского и определения И.Е. Забелина, так как «слишком узка была область археологии, в каждом вещественном памятнике, кроме личной, есть сторона рядовая, и чем древнее памятники, тем меньше в нем личного творчества (например, каменные орудия), изучая одно личное творчество придется обращать главным образом внимание на художественную сторону памятников, и это будет шаг назад»¹⁵.

Точка зрения А.С. Уварова, определяющего археологию как науку о древнем быте, представлялась Лаппо-Данилевскому также недостаточной, и он справедливо отмечал, что под такое определение подойдет история религии, хозяйства, права и всей цивилизации вообще; и указывал на противоречия в самих взглядах Уварова, который, являясь одним из самых известных русских археологов, тем не менее не выделял вещественные источники в отдельную категорию.

Заслуживают внимания попытки Лаппо-Данилевского дать общенаучные предпосылки в духе философии позитивизма и культурного эволюционизма положению археологии среди других наук. Исходя из этого он считал, что и в неорганической сфере знания наука стремится открыть закон, определяющий постоянное соотношение причины к следствию, а в надорганической сфере (речь идет о человеческом бытии) – закон, определяющий норму изменений в причинах явления и соответствующих изменений в следствии. В итоге этих размышлений отводилось место археологии в сфере гуманитарных наук, изучающих общественные явления, но различающихся по характеру источников¹⁶. Позднее Лаппо-Данилевский более определенно относил археологию к разряду вспомогательных исторических дисциплин, подчеркивая ее источниковедческий характер.

С 1899 г. А.С. Лаппо-Данилевский стал членом Русского Археологического общества, а в 1890–1896 гг. выполнял обязанности секретаря Отделения славяно-русской археологии РАО. Археологическую проблематику он вносил и в деятельность Исторического общества при Петербургском университете, возникшего в 1889 г., членом-учредителем и одним из руководителей которого сам являлся. По его инициативе Г.В. Вернадский (будущий известный историк, профессор Йельского университета в США) сделал в заседании общества доклад об известной археологической инструкции Г.Ф. Миллера начала 1740-х гг.¹⁷ Сам А.С. Лаппо-Данилевский на годовом собрании общества прочитал реферат о делении первобытной культуры на периоды, в котором рассмотрел все попытки такого деления, начиная с Лукреция Кара. Принимая археологическую периодизацию трех веков К.Ю. Томсена, он сделал ряд оговорок о размытости границ между этими периодами и длительном употреблении каменных орудий уже в эпоху металла. (Эти замечания были актуальны в связи с тем, что некоторыми авторами того времени система трех веков понималась буквально и, например, все каменные орудия относились к каменному веку.) В итоге автор доклада приходил к выводу, что эта периодизация имеет лишь относительно-хронологическое и культурное значение и ею «определяется степень развития человечества, но не со всех сторон, а главным образом в техническом отношении, ибо тот или иной характер материала и способа его обработки едва ли можно считать достаточно полным показателем всестороннего развития данной социальной

группы»¹⁸. Эта позиция, которую ученый постоянно пропагандировал в других своих работах и лекциях, объективно была направлена против некоторых издержек зарождавшегося в европейской науке миграционизма, который автоматически относил носителей культуры металлов на более высокую ступень социального развития по сравнению с изготовителями каменных орудий или племена с железными орудиями по отношению к обществам, знавшим только бронзу.

С такой же осторожностью Лаппо-Данилевский относился и к теории заимствований, замечая, что «сходство в проявлениях быта народов может быть результатом и не заимствований, а сходного, хотя и самостоятельного, их развития, притом в самом заимствовании следует различать известные степени»¹⁹.

Существенно отметить, что при обсуждении своего доклада он употреблял понятие «медный век», (как период, предшествующий бронзе), почерпнутое из новейшей европейской литературы (работа М. Бертола вышла только в 1889 г.). В дальнейшем в своих лекциях он прямо указывал, что каменные орудия у индоевропейцев сменяются медными, а не бронзовыми, причем первые изделия из меди изготавливались ковкой и только позднее начинается литье металла²⁰.

С 1891 г. по поручению Археологической комиссии (в 1892 г. он становится ее членом) А.С. Лаппо-Данилевский приступил к подготовке публикации материалов из раскопок кургана Карагодеуаш на Кубани. Начинаясь эта работа с тщательного сбора сведений об археологических раскопках и материалов по памятникам Кавказа в целом. В 1894 г. Археологическая комиссия издает труд А.С. Лаппо-Данилевского в 13-м выпуске серии «Материалы по археологии России» (МАР). Эта книга вошла в золотой фонд русской дореволюционной археологической литературы, С.А. Жебелев и М.И. Ростовцев называли ее образцовой публикацией курганных находок²¹. Широко используя типологический и сравнительный методы, по мнению коллег – профессиональных археологов, автор достигал блестящих результатов, «не имея в распоряжении ни одной даты и ни одной надписи, только на основании типа вещей и стиля греческих предметов, относит их к IV–III вв. до Р.Х. и определяет народность, насыпавшую этот курган»²².

Немалые трудности Лаппо-Данилевскому создавало то обстоятельство, что он непосредственно не участвовал в раскопках и был вынужден довольствоваться лишь посланными в Петербург вещами, дневниками и рисунками Е.Д. Фелицина, проведшего раскопки этого памятника в 1888 г. В связи с этим Лаппо-Данилевский указывал на недостаточность описаний Фелицина, так, например, не были сделаны точные планы расположения отдельных вещей в разных помещениях гробницы, даже не известно, раскопан ли был курган до материка. Вследствие этого, считал ученый, скудность описаний самого кургана в процессе раскопок никак не может быть восполнена богатством и разнообразием вещей, присланных в Комиссию. «Вывранные из среды, в которой они находились и которую за недостатком данных нет возможности восстановить с желательной полнотой, эти вещи дают нам менее материала чем можно было ожидать для бытовой истории края»²³. Таким образом, Лаппо-Данилевский прямо указывал на необходимость изучения древних вещей в контексте их нахождения «in situ» и во взаимосвязи с устройством погребального сооружения и всей насыпи кургана. Это была весьма прогрессивная точка зрения, так как многие его современники-археологи ограничивались изучением только самих вещей (наиболее яркий пример – работы Н.П. Кондакова).

Как строгий и взыскательный критик, не терпевший дилетантизма в науке, требуя всегда строго научного подхода к любым проблемам, проявил себя А.С. Лаппо-Данилевский и в качестве рецензента. В конце XIX в. в русской печати стало появляться немало книг по археологии, многие из которых были написаны «археологами-любителями» и имели более популярный характер, чем научный. Лаппо-Данилевский опубликовал ряд рецензий

на подобные издания. Разбирая две книги О. Вильчинского, являвшиеся довольно слабыми компиляциями из западноевропейских трудов по каменному веку, он сурово критиковал автора за неполное знание основной литературы по этим проблемам, за сомнительные выводы о человеческом происхождении золитов и прародине человека в Европе, за незнание других периодизаций каменного века, кроме далеко не общепризнанной системы П. Брока, и многие другие ошибки, вызванные некомпетентностью автора²⁴.

В рецензии на работу И.П. Кузнецова о могилах Минусинского округа Лаппо-Данилевский высказывал недоумение по поводу того, что автор описывал главным образом внешние признаки курганов и даже не пытался решить вопрос о каменных изваяниях на курганах. Сам Лаппо-Данилевский на основании этнографических наблюдений у некоторых сибирских народов (например, торгоутов) полагал, что они являются изображением покойного²⁵.

Серьезной критике подвергался труд А.Я. Семеновского о белорусских древностях. Отмечая неточности в описаниях, плохие рисунки, отсутствие библиографического указателя со ссылками и карт, без которых сведения теряют половину своего значения, рецензент отвергал и саму классификацию материала, полагая, что «в таких работах удобнее располагать главы в хронологическом порядке, начиная с более древних, а в пределах каждой главы соблюдать порядок топографический». Автор, однако, сперва описывает памятники бронзового века, затем каменного, и наоборот, по годам сообщает находки вне курганов и насыпей, которые гораздо удобнее было бы разместить топографически». Полное недоумение рецензента вызывал и тот факт, что описанные курганы автор почему-то считал древнейшими памятниками, а некоторые городища относил к каменному веку, ничем не подтверждая своих выводов²⁶.

Очень обстоятельную рецензию Лаппо-Данилевский дал на «Публичные лекции по археологии России» киевского историка и археолога Д. Эварницкого, подчеркивая, что работы популярного характера, рассчитанные на непрофессионального читателя, должны особо содержать только достоверные факты и заключения, а Эварницкий, например, с невероятной легкостью делает этническое определение древних погребений, не утруждаясь доказательствами, или дает фантастическую хронологию, по которой каменный век доходит до V н.э., а бронзовый начинается за 7 тысяч лет до Р.Х. Там же, где приводились четыре существующие в то время в европейской науке периодизации каменного века, автор не оговаривает, что они строятся на разных принципах и различном материале (собственно археологическом, палеонтологическом, геологическом), и тем самым вносит путаницу в головы читателей. Сам Лаппо-Данилевский разделял мнение Г. де Мортилье об «археологическом» или культурном характере палеолита, в силу чего его продолжительность могила и не совпадает с хронологическими пределами естественнонаучных периодизаций.

Касаясь описания раскопок, ученый требовал научной четкости и определенности терминологии, указывая на неудачность использования термина «слой» для курганов и приводя некоторые образцы «научного языка» Эварницкого: «...две лошадиные головы, одна глазами на восток, другая на запад, обе положены на кости собственных ног» или «скелет был положен лицом вверх с открытым ртом, по направлению от запада к востоку, с руками по-над боками»²⁷. При этом интересно заметить, что сам Лаппо-Данилевский самостоятельных раскопок никогда не проводил, но постоянно следил за зарубежной и отечественной литературой по методике полевой археологии, и в его лекционных курсах был специальный раздел, посвященный правилам ведения раскопок и фиксации найденного материала. А постоянное внимание к исследованию по каменному веку обуславливалось его общим интересом к древнейшей истории человечества и созданием курса лекций по первобытной культуре в 1890-е гг.²⁸ Этот весьма объемный курс (410 стр.) подробно излагал периодизацию

палеолита Г. де Мортилье, содержал массу сведений о технике изготовления каменных орудий и на основе работ Л. Моргана, Э. Тейлора, Ф. Энгельса, М.М. Ковалевского давал общую картину развития первобытной культуры.

Многочисленный археологический материал содержался в курсе лекций «История России IX–XVIII вв.», читаемого в университете в 1897–1904 гг.²⁹ Несмотря на название, лектор открывал его большим разделом (более 350 стр.) «Восточно-Европейская равнина в естественноисторическом отношении», построенном на археологическом и этнографическом материале, начиная с каменного века, и используя почти всю новейшую европейскую и русскую литературу по первобытной археологии. Со взглядами многих археологов Лаппо-Данилевский вступал в полемику, например, с мнением известного киевского историка и археолога В.Б. Антоновича об отсутствии бронзового века как самостоятельного культурного периода на русской равнине.

Последними публикациями А.С. Лаппо-Данилевского в области археологии были рецензии на книгу П. Симсона о каменном веке под Ржевом³⁰ и доклад о находках вещей фатьяновской культуры, сделанный в заседании историко-филологического отделения Академии наук³¹.

В первой он продемонстрировал прекрасное владение литературой по каменному веку, указывая, что Симсон в качестве аналогий для своих находок привлек только уже устаревшую «Археологию России. Каменный век» А.С. Уварова (1881 г.), проигнорировав труды Леббока, Нильсона, Мортилье, и вопреки периодизации французской школы отнес орудия мадленского типа к переходной порою от палеолита к неолиту, путая понятия «период» и «эпоха» и не имея представления о мезолитическом периоде. Там же Лаппо-Данилевский отмечал важность исследования остатков каменного века в одном культурном слое в комплексе с геологическими определениями слоя и палеонтологическими – остатками палеофауны. Во второй работе Лаппо-Данилевский дал описание трех каменных орудий и медного топора, найденных в Фатьяновском карьере, причем по предварительной его просьбе предметы из камня были осмотрены академиком Ф.Н. Чернышевым, а металлический топор исследован в лаборатории академика В.И. Вернадского, что позволило установить породы и происхождение камня и состав бронзового сплава.

После довольно активных занятий археологической проблематикой в последние полтора десятилетия XIX в., в начале XX столетия. А.С. Лаппо-Данилевский практически прекратил научную работу в этой области. Эту утрату интереса и изучению первобытной культуры со стороны крупного ученого вполне правомерно связывать с общим кризисом эволюционизма, выразившимся для Лаппо-Данилевского в разочаровании в идеях позитивизма и прогресса культуры, изменением его философских позиций, обращением к неокантианству. В предреволюционное десятилетие основной областью научных занятий академika становятся проблемы отечественной историографии и источниковедения и подготовка одного из главных своих трудов – «Методология истории», которая писалась уже под влиянием новой философской концепции автора. Также он не мог не видеть происходившей как раз в это время профессионализации археологии, превращения ее из полудилетантских антиквариатских увлечений в серьезную науку со своим понятийным аппаратом и методами исследования. Занятия ею требовали уже полной самоотдачи, а у него были иные интересы. Поэтому попытка Н.И. Платоновой выделить некий второй этап (после 1906 г.) в деятельности А.С. Лаппо-Данилевского в области археологии и разработки ее теории представляется мне несколько надуманной и искусственной. Все приводимые ею цитаты³² относились к историческим источникам в целом, а не специально к вещественным источникам. Другое дело, что он однозначно признавал артефакты одной из категорий исторических источников, но разработкой специфических проблем, связанных с их интерпретацией, не занимался. Не случайно на страницах «Методологии истории» в качестве единственного источника сама археология фигурирует только в параграфе «Техни-

ческий метод интерпретации исторических источников»³³.

Однако и в эти годы А.С. Лаппо-Данилевский активно участвовал в подготовке закона об охране памятников старины и археологии в России, являясь заместителем председателя комиссии Министерства народного просвещения и Академии наук, созданной для решения этого вопроса. Заметную роль он продолжал играть в Археологической комиссии, особенно при начале ее реорганизации в 1917 г., выступив с рядом интересных предложений по созданию системы научно-исследовательских институтов. Только преждевременная кончина ученого в голодном Петрограде в 1919 г. оборвала эту работу.

В целом, анализируя деятельность выдающегося историка в сфере археологии, надо прежде всего отметить, что А.С. Лаппо-Данилевский был старшим представителем нового поколения русских ученых-гуманитаров, вступающих в науку в последнее десятилетие XIX в. Именно их труды (М.И. Ростовцева, С.А. Жебелева, Я.И. Смирнова, Б.В. Фармаковского – в изучении античной цивилизации, Н.Я. Марра, Б.А. Тураева – в востоковедении; В.В. Бартольда – в археологии и истории Средней Азии; и многих других) определяли высокий уровень русской науки в первые десятилетия следующего века. Для всех этих крупнейших представителей отечественной науки было характерным изначальное обращение к археологии не в силу какого-либо «любительского увлечения» или коллек-

ционирования древностей, а в поисках дополнительных источников для исторических реконструкций. Источниковедческая направленность всегда была характерной чертой петербургской исторической школы и особенно ощущалась в научном творчестве А.С. Лаппо-Данилевского. Высокие требования, строгая методика, принятые в дисциплинах историко-филологического цикла, владение всеми новейшими достижениями зарубежной науки позволяли им подходить к археологическим исследованиям на высоком научном уровне³⁴. В свою очередь, специфика преподавательской деятельности в университетах вынуждала прибегать к широкому обобщению, систематизации материала при включении его в лекционные курсы, ставила перед необходимостью разработки методики научных исследований. Именно этим, например, определялось то обстоятельство, что в своих методологических взглядах на археологию академик А.С. Лаппо-Данилевский был чрезвычайно близок современному пониманию этой науки, значительно опережая многих своих современников – «практикующих» археологов. Также необходимо заметить, что А.С. Лаппо-Данилевский был одним из первых русских историков, начавших столь широко использовать археологические материалы и данные в своих университетских лекционных курсах по отечественной истории, способствуя тем самым восприятию археологии как части общей исторической науки.

¹ Маркевич А.И. Архивно-археологическая деятельность академика А.С.Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 160–166.

² Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 54.

³ Например: Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб.: Искусство – СПб, 2001. С. 68–72.

⁴ Тихонов И.Л. Деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского в археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. II. С. 154–165; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая четверть XX века. СПб.: Нестор- История, 2010. С. 113–121.

⁵ Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук. Пг., 1915. Ч. 1. С.405.

⁶ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1882 г. СПб., 1883. С. 32; СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 2.

⁷ Мищенко Ф.Г. Рецензия на кн.: Скифские древности А.С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1887 // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Октябрь. Ч. ССIX. С. 211.

⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Скифские древности. СПб., 1887. С. 8, 21–24.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ Мищенко Ф.Г. Указ. соч. С. 221.

¹¹ Равдоникас В.И. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 9/10. С. 22–27; Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С.45.

¹² СПФ АРАН Ф. 113. Оп. 1. Д. 153, 213.

¹³ Там же. Д. 153. Л. 9–10.

¹⁴ Там же. Д. 217. Л. 4–9.

¹⁵ Там же. Д.309. Л. 7.

¹⁶ Там же. Д.309. Л. 12.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 76. Л. 34.

¹⁸ Лаппо-Данилевский А.С. Вопрос о делении первобытной культуры на периоды: каменный, бронзовый и железный в современной археологии // Историческое обозрение. 1892. Т. IV. Отд. 2. С. 13.

¹⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Эварницкий Д. Публичные лекции по археологии в России. СПб., 1890 // Журнал Министерства народного просвещения. ССXX. 1890. С. 149

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 160. Л. 230, 281.

²¹ Жебелев С.А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1. История археологического знания. С. 141; Ростовцев М.И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 29.

²² Маркевич А.И. Указ. соч. С. 163.

²³ Лаппо-Данилевский А.С. Древности кургана Карагодеуаш как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р.Х. // Материалы по археологии России. №13. СПб., 1894. С. 11.

²⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Вильчинский О. Древнейшие каменные орудия в Европе. СПб., 1890; Его же. Древнейшее племя неандертальское в Европе. СПб., 1891 // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССXXX. 1892. С. 417–420.

²⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Кузнецов И. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889 // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. ССXXI. С. 419–424.

²⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Семеновский А.Я. Белорусские древности. Вып.1. СПб., 1890 // Записки Русского археологического общества. 1892. Т. V. С. 387.

²⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Эварницкий Д. Публичные лекции по археологии России. СПб., 1890 // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. ССXX. С. 142–151.

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 175.

²⁹ Там же. Д. 160.

³⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Симсон П. Каменный век под г. Ржевом. Тверь, 1903 // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Июль. С. 151–158.

³¹ Лаппо-Данилевский А.С. Доклад о предметах древности, найденных Б.Л. Бернштейном в Фатьяновском карьере // Известия имп. Академии наук. Сер. 6. Ч. 11. 1908. № 13. С. 1027–1028.

³² Платонова Н.И. Указ. соч. С. 119–120.

³³ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Пособие к лекциям, читанным студентам С.Петербургского университета в 1910/11 году. СПб.: Тип. В. Безобразов и К°, 1913. Вып. II. С. 441–445.

³⁴ Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. С. 56.